

Глава 56: Заключение

Лу Жун чувствовал жар по всему телу, будто он весь горит. Он хотел убежать, но Шэнь Цзицзе продолжал сжимать его руку, тихо спрашивая: "Ты не ответил на вопрос, который я задал. Достаточно ли ты сейчас нацеловался?"

Он был совсем близко, тёплое дыхание обдало его лицо, Лу Жун тщетно пытался вырваться, тихо умоляя: "Ты... ты отпусти меня."

"Я отпущу тебя, после того, как ты ответишь," — Шэнь Цзицзе оставался невозмутим.

Лу Жун посмотрел на него, чёрные глаза наполнились влагой и покраснели.

"Кажется, я недостаточно нацеловался..." — Сказал он комариным голосом.

Дыхание Шэнь Цзицзе замерло, он не издавал ни звука и не отпускал Лу Жуна, лишь нависал над ним, наблюдая.

Лу Жун видел, как его взгляд становится всё темнее и темнее, как у свирепого леопарда, смотрящего на свою добычу, и внезапно в его мозгу зазвучал тревожный звоночек, сигнализирующий об опасности.

"Гэгэ~" — ему было уже наплевать на стыд, он быстро начал кокетничать.

В этот момент у входа раздался громкий шум. Должно быть, связанный человек старался выпутаться и что-то уронил.

Шэнь Цзицзе закрыл глаза, медленно вздохнув, внезапно отвернулся от Лу Жуна и направился в ванную.

"Жун-Жун, ты сначала позвони в полицию, а я пока приму душ."

Связанный фальшивый уборщик трепыхался на земле, как сом, выброшенный из воды, и опрокинул кожаные табуретки под обувным шкафом. Из-за зажатого рта, увидев Лу Жуна, он смог издать только хныкающий звук.

"Будь честен или я завяжу тебе глаза и заткну уши," — произнёс Лу Жун со злобным видом.

Уборщик больше не двигалась. Когда Лу Жун обернулся, увидел своё отражение в окне, его лицо покраснело, из глаз текли слёзы, что на первый взгляд казалось ненормально. Быстро настроившись, он не решился снова взглянуть на собственное отражение.

Шэнь Цзицзе быстро вышел из ванной, его волосы были мокрыми и с них продолжала капать вода. В это время полиция, уже подросла к двери и, записав в протокол произошедшее, увела мужчину.

"Гэгэ, хотя ты только сказал, что он прокрался в дом посреди ночи, был пойман нами и связан, но его увели в полицейский участок, он может рассказать об иллюзии. Что мне делать?" — Обеспокоенно спросил Лу Жун.

Шэнь Цзицзе скрестил пальцы и провел ими по лбу: "Никто не поверит его словам, это звучит нелепо. Все скажут, что у него проблемы с мозгом."

"Что ж, ты прав," — Лу Жун с уверенностью согласился.

Шэнь Цзицзе посмотрел на часы и обнаружил, что уже одиннадцатый час, никто из них не ел с тех пор, как они проснулись утром.

"Ты голоден?" — Спросил он Лу Жуна.

Лу Жун честно признался: "Голоден."

Шэнь Цзицзе серьёзно кивнул и молча продолжил наблюдать.

"В чём дело?" — Лу Жун разозлился, увидев это, и протянул руку, дабы коснуться своего лица.

Шэнь Цзицзе тут же спросил: "Разве не ты мой телохранитель? Неужели у тебя не хватает навыков приготовить что-то?"

"Ах, вот оно что," — Лу Жун протянул руку, почесал лицо и медленно направился на кухню.

"Но я не умею готовить", — бормотал он себе, шаг за шагом оглядываясь на Шэнь Цзицзе.

Шэнь Цзицзе только принял душ, и верхняя часть его рубашки была расстегнута, открывая небольшую часть крепкой груди. Сейчас он стоял в центре комнаты и смотрел на смущённого Лу Жуна.

Увидев игривость в его глазах, сделавшая его счастливым, Лу Жун развернулся и быстро побежал обратно, бросился к нему в объятия и обнял за шею, нежно и кокетливо поглаживая: "Гэгэ, но я не умею готовить."

Шэнь Цзицзе слегка кашлянул: "Что же нам делать, если я ты не умеешь готовить?"

"Гэгэ," — голос Лу Жуна становился всё слаще и слаще.

Шэнь Цзицзе протянул руку, чтобы схватить за плечо, и спросил: "Ты хочешь, чтобы я приготовил?"

Лу Жун поднял голову, посмотрел ему в лицо, прищуриваясь и улыбаясь.

"Если ты хочешь, чтобы я готовил, я сделаю это, но я готовлю только для своей жены, — видя, что Лу Жун собирается возразить, Шэнь Цзицзе приложил палец к губам. — Блюдо, которое я готовил ранее, исключение, и в будущем я буду готовить только для своей жены."

Лу Жун тихо сказал: "Тогда я твоя жена."

Шэнь Цзицзе посмотрел на него сверху вниз: "Правда?"

"Разве мы не поженились давным-давно? Мы туго переплели красные нити прямо перед Юэ Лао, так что ты не можешь отрицать," — Лу Жун потянул его за рукав и легонько встряхнул.

Шэнь Цзицзе покачал головой, вздохнув: "Скажи ещё, что ты не стесняешься поцелуев. Скажи, что не стесняешься, когда просишь деньги за сладкие слова."

Лу Жун закрыл лицо руками и тихо сказал: "Разве я не могу привыкнуть к этому? Я привыкну если поцелую тебя ещё несколько раз."

После того, как он произнес эти слова, ему тоже стало немного стыдно, и он уткнулся разгоряченным лицом в грудь Шэнь Цзицзе, прислушиваясь к мощному биению сердца.

Грудь под его ушами внезапно затряслась, и Шэнь Цзицзе беззвучно рассмеялся. Он ущипнул Лу Жуна за розовые ушки, тихо произнеся: "Тогда я сейчас же приготовлю еду для своей жены."

Они вдвоем просидели дома целый день, смотрели фильмы и болтали. После ужина Шэнь Цзицзе стоял на лестнице, ведущей на крышу верхнего этажа, с двумя стаканами сока в руках.

"Пойдем, давай поднимемся наверх и посмотрим на пейзаж," — он махнул головой Лу Жуну.

Шэнь Цзицзе вошёл в солнечную комнату, поставив сок на низкий столик, повернулся, чтобы встретить Лу Жуна: "Заходи."

Сказав это, он сел на ковер, скрестив ноги, и откинулся на подушку.

Лу Жун лёг рядом с ним, положив голову ему на бедро.

Закат уже наступил, небо лишь слегка окрасилось в красноватый цвет, но местами можно было разглядеть россыпь звёзд.

Лу Жун смотрел на небо, прислушиваясь к дыханию Шэнь Цзицзе рядом с собой, ощущая тепло его тела, и на сердце тут же стало очень спокойно.

Это напомнило ему о тех ночах, когда он превращался в оленёнка и свободно бродил по лесу, ощущая на кончике носа свежий и легкий аромат, заставляющий чувствовать себя непринужденно.

Шэнь Цзицзе время от времени гладил его по волосам, пока вдруг тихо не спросил: "Ты хочешь уехать и поговорить с ними о Чжу Чжао?"

Лу Жун поднял на него глаза, и хотя он ничего не ответил, по его глазам было всё понятно.

Шэнь Цзицзе зарылся лицом в его мягкие волосы и тихо спросил: "Жун-Жун, ты можешь не уходить?"

Он знал, что отец Лу Жуна был убит в битве с Чжу Чжао. Если Лу Жун... Мысль об этом, и страх сковывал его, казалось, что его сердце крепко сжимает гигантская рука.

"Жун-Жун, ты можешь не уходить?" — Он умолял тихим, как в бреду, голосом.

Лу Жун приподнялся с его колен, прижался губами к тёплой шее и тихо ответил: "Гэгэ, со мной всё будет в порядке, не волнуйся."

Он взял руку Шэнь Цзицзе и прижал её к своему сердцу.

"Хлоп, хлоп... Моё сердце говорит, что я должен вернуться целым и невредимым, потому что мой гэгэ и дедушка ждут меня."

Шэнь Цзицзе знал, что Лу Жун обязательно отправится в путь.

Это была не только ответственность наследника, но и глубокая ненависть за родителей, поэтому у него не было возможности остановить его, он только крепче сжал человека в своих объятиях, как бы вжимаясь в него.

В течение следующего периода времени Шэнь Цзицзе приходилось брать Лу Жуна с собой, куда бы он ни пошёл, он даже брал его с собой, отправляясь на режиссёрское прослушивание.

Когда он играл, Лу Жун послушно сидел в сторонке на маленьком табурете и ждал. Как только у Шэнь Цзице появлялось свободное время, он подходил поговорить с Лу Жуном и просил персонал угостить его закусками.

Его заботливые действия заставили людей, сидевших рядом с ним, продолжать смотреть на Лу Жуна, он шагнул было вперёд, чтобы высказаться, но в тот момент Лу Жун указал на Шэнь Цзице на сцене, говоря с искренним выражением лица: "Я его телохранитель."

Шэнь Цзице не стеснялся отношений между ними. Кейт вскоре узнала об этом, но после выплеска ярости больше ничего не делала. Из-за того, что Шэнь Цзице выглядит так, будто ему всё равно, она поняла, что нет смысла в этой драме. Но она попросила его встретиться в тайне, никому не говоря.

Что может сделать Кейт перед лицом такого артиста, который не воспринимает будущее всерьёз? Кейт могла думать только о последствиях и скрывать все новости. До тех пор, пока Шэнь Цзице не выставит Лу Жуна на всеобщее обозрение, это не будет большой проблемой.

Более того, статус телохранителя Лу Жуна сейчас действительно полезен, поэтому она закрыла на это глаза и перестала заботиться.

Сяо Чу тоже был очень обеспокоен. Он сидел, выпрямившись, на пассажирском сиденье и не осмеливался повернуть голову, дабы посмотреть на двух людей на заднем сиденье, лишь осторожно спросил: "Ан-гэ, что, если СМИ узнают о тебе и Жун-Жуне?"

Шэнь Цзице заключил Лу Жуна в объятия, почувствовав это, тело того напряглось, и он быстро взглянул на Шэнь Цзице.

Шэнь Цзице это не особо волновало, он сказал: "Если бы знал, не спрашивал бы. Неужели актерам запрещено иметь жен? Кого это волнует?"

Сяо Чу: ...Мм, они уже замужем.

Когда Лу Жун созванивался с дедушкой Цай, не рассказывал ему ни о чём таком. Он был таким же, как и раньше, кокетничал и рассказывал о своей текущей ситуации. Он как-то сказал Шэнь Цзице: "Я не хочу, чтобы дедушка волновался. После возвращения я заберу его в столицу, и мы будем жить вместе: с Ту-гэ, дядей Чэнь и дядей Бай..."

Лу Жун оперся на его руки, теребя свои белые и нежные пальцы при счёте.

Шэнь Цзице поцеловала его в лоб, тихо сказав: "Хорошо, тогда мы будем жить вместе."

Они обнимались и шептались, время от времени обмениваясь скользкими поцелуями. Голос постепенно становился тише и исчез, и слышались только редкие всплески воды.

Дыхание Шэнь Цзице стало тяжелее, и оранжево-красный свет в комнате создавал неоднозначную ауру. Он погладил лоб человека, державшего в своих объятиях, прижался к нему горячими губами и проследил взглядом до самых красных уголков его глаз...

Лу Жун был так поглощен поцелуем, что позже смотрел в потолок, не в силах сфокусировать взгляд. Через некоторое время Шэнь Цзице снова лежал в объятиях на мягкой кровати.

"Жун-Жун, Жун-Жун..."

Шэнь Цзице только тихо позвал, его голос попал в уши Лу Жуна вместе с горячим дыханием, обдавшем его нос, лишив его последних сил.

Шэнь Цзице чувствовал, что он — гигантский зверь, пойманный в ловушку, раздраженно копающий землю, пытаясь вырваться из клетки. Его зрачки становились всё темнее и темнее, левой рукой он обнимал хрупкий затылок Лу Жуна, а правой нежно поглаживал волосы на макушке.

"Жун-Жун..."

Его голос становился всё тише и тише, в нем слышалось сильное вожелание. Дальше этого дело не пошло, он только пристально посмотрел на человека под собой, словно наблюдая за его реакцией. Пот, выступивший у него на лбу, стекал по вискам и капал на точеный подбородок.

Большие глаза Лу Жуна были полны слёз, уголки его глаз покраснели, а губы стали ещё более роскошно-яркими и влажными. Он нетерпеливо наклонился, стараясь оказаться как можно ближе к Шэнь Цзице.

"Гэгэ, гэгэ..." — позвал он тихо, словно всхлипывая.

Легкие газовые занавески мягко колыхались, и лунный свет проникал в комнату сквозь щели, освещая разбросанную повсюду одежду. Плач Лу Жуна был отрывочным и раздавался с перерывами приблизительно полночи.

....

Когда Лу Жун открыл глаза, уже светало, первое, что бросилось ему в глаза — спящее лицо Шэнь Цзице. Сначала он был поражен, и на мгновение потерял концентрацию, а потом вспомнил, произошедшее прошлой ночью, кончики его ушей тут же начали краснеть.

Он уткнулся лицом в крепкую грудь Шэнь Цзице, ему было немного стыдно и смешно. Увидев, что Шэнь Цзице ещё не проснулся, он уткнулся в грудь, вновь посмотрел на его лицо и протянул руку, чтобы потрогать щетину на подбородке.

В следующее мгновение кто-то быстро схватил его за руку, Шэнь Цзицзе перевернулся и прижал его к себе, его глаза были ясными.

"Ты притворяешься спящим!"

Как только жалоба Лу Жуна была передана, остальные слова застряли у Шэнь Цзицзе во рту, и он мог произносить только отдельные слоги.

Руки и ноги Лу Жуна смягчились от поцелуя, но когда он вновь увидел знакомый тёмный цвет в глазах Шэнь Цзицзе, разум мгновенно заволновался, он подполз к краю кровати, упираясь руками и ногами в пол, но Шэнь Цзицзе схватил его за лодыжку, обездвиживая.

"Гэгэ, у меня всё болит... ай, ай.. у меня всё болит, мне нужно встать..." — Поспешно, кокетливо и тихо взмолился он.

Кто бы мог подумать, что Шэнь Цзицзе не только не смягчится, услышав это, но его глаза станут темнее, и он сильной рукой оттащил человека назад.

К тому времени, когда в комнате воцарилась тишина, был уже почти полдень. Шэнь Цзицзе, босоногий и крепкий, одетый только в свободные домашние штаны, напевал песенку на кухне за обедом. Лу Жун всё ещё дремал, его тело было закутано в одеяло, услышав во сне едва слышную песню, в уголках губ появилась улыбка.

Внезапно раздался звонок, который немного разбудил его. Мгновение спустя от дверей донесся низкий голос Шэнь Цзицзе, говоривший через домофон.

Может быть, это доставщик еды, — подумал Лу Жун с закрытыми глазами, но потом понял, что Шэнь Цзицзе готовил до этого обед. Тогда кто же этот человек, что сейчас придёт?

Шэнь Цзицзе уже повесил трубку, а звука поднимающегося наверх лифта не было слышно. Внезапно в голове Лу Жуна мелькнула мысль, сонливость как рукой сняло, и он открыл глаза.

Шэнь Цзицзе отвернулся от двери на кухню, бросил взгляд в сторону спальни и застыл на месте, слегка вздрогнув.

Лу Жун стоял в дверях в своей пижаме с медвежатами и спокойно смотрел на него. В его больших чёрных глазах читалось, что он всё знает.

"Я.. я..." — Шэнь Цзицзе хотел сказать, что внизу доставщик, но, в конце концов, оказался в безвыходной ситуации, он лишь отвёл взгляд в сторону.

Переносица его высокого носа загораживала свет, половина лица оставалась в тени, челюсти

сильно сжаты, создавая холодную и жесткую линию подбородка.

В тишине снова раздался звонок в дверь.

Один, два...

Рука Шэнь Цзицзе, висевшая вдоль тела, дернулась, как будто он хотел повернуться и повесить трубку домофона, но Лу Жун уже прошёл мимо него и быстро нажал кнопку вызова.

"Скажите, пожалуйста, Лу Жун здесь?"

На экране виднелись фигуры Ван Ту и дяди Чэнь.

Шэнь Цзицзе стоял неподвижно, только свисающие руки сжимались всё крепче и крепче, костяшки его пальцев побелели от напряжения.

"Ту-гэ, дядя Чэнь, я здесь."

Лу Жун повернул голову, взглянув на него, и, наконец, сказал, обращаясь к видеозэкрану.

Шэнь Цзицзе закрыл глаза, кадык ходил вверх-вниз. Услышав, как Лу Жун обещает им немедленно спуститься вниз, он внезапно скрылся в своей спальне и захлопнул дверь.

После того как Лу Жун повесил трубку, он молча вернулся в свою спальню, открыл шкаф, достал оттуда пальто и надел его. Затем вытащил со дна шкафа свой старый рюкзак и, шурша им, вышел из спальни.

Напротив находилась комната Шэнь Цзицзе. В этот момент дверь была плотно закрыта. Поколебавшись несколько секунд, он шагнул вперёд и дважды постучал.

Дверь не открылась, и внутри царил тишина.

Лу Жун опустил голову и сказал, обращаясь к двери: "Гэгэ, я обязательно вернусь целым и невредимым. Я знаю, как печально ожидание, я не позволю тебе ждать меня долго."

За дверью по-прежнему не было слышно ни звука. Он только повернулся и медленно направился к двери, когда позади него раздался странный шум. Он внезапно обернулся и посмотрел назад, но увидел только, как с шелестом отлетела оконная решетка в конце коридора.

Шэнь Цзицзе стоял перед окном спальни, глядя вдаль на лужайку для гольфа, словно

превратился в статую. Когда он услышал печальный голос Лу Жуна, доносившийся из-за двери, его пальцы, лежавшие на подоконнике, шевельнулись, и в глазах промелькнула боль.

Раздался звук закрывающейся двери лифта, словно острый меч, пронзающие его кожу, заставив вздрогнуть от боли, он развернулся и бросился к двери спальни, энергично распахнул её, а затем быстро бросился к двери.

Лифт находился на первом этаже, и Лу Жун уже стоял возле него, несколько раз нажав на кнопку, ожидая, пока тот поднимется, он прикрыл лоб рукой, кружась, как сонный зверь.

Цзинь!

Он ворвался внутрь в момент, когда открылась дверь лифта, и нажал кнопку первого этажа, но когда, задыхаясь, выбежал из вестибюля на первом этаже, то увидел только серый внедорожник, исчезающий в конце подъездной дороги.

....

Ван Ту и дядя Чэнь по очереди водили внедорожник до самого северного плато. Два дня спустя они остановились в маленьком городке под снежной горой.

Надев толстые пуховики и рюкзаки, все трое вышли из машины и отправились в горы пешком.

Они шагали к обратной стороне заснеженной горы, и только на полпути к вершине столкнулись с холодным ветром. Ветер нёс с собой снежные хлопья, видимость быстро ухудшалась, небо и земля затуманивались.

"Ту-гэ, здесь спрятался Чжу Чжао?" — Лу Жун, одетый в оранжево-красный пуховик и опирающийся на альпинистскую палку, громко спросил Ван Ту, стоявшего рядом с ним.

"Он прячется в созданной им иллюзии, но вход в неё находится на этой заснеженной горе," — брови Ван Ту покрылись снегом, он вытер лицо, отвечая.

Дядя Чэнь, тяжело дыша, спросил: "Жун-Жун, ты устал? Не волнуйся, скоро прибудем."

"Я не устал, просто спросил."

Разговаривая, они втроём с трудом взобрались на небольшой горный холм, поскольку укрытия не было, а ветер и снег усиливались, условия становились невыносимыми.

"Смотрите, вход вон там, внизу," — Ван Ту указал на углубление в горном массиве.

Лу Жун посмотрел в направлении своих пальцев, но зрение затуманилось плотными снежными хлопьями, он ничего не мог разглядеть. Но он также ускорил темп продвижения и вскоре достиг углубления.

Стоя в пустой ямке, не дожидаясь вопроса Лу Жуна, Ван Ту и дядя Чэнь посмотрели друг на друга, вытянули правые руки, указывая вперёд.

Через несколько секунд Лу Жун увидел, что воздух начал искажаться, а падающие снежинки автоматически поплыли в других направлениях, на месте появилось свечение, который он мог видеть лишь в иллюзии.

"Входи," — закричал Ван Ту.

В первый раз, когда Лу Жун прыгнул в телепорт, он чувствовал, как яростный вой ветра, доносившийся до его ушей, мгновенно исчез, весь мир успокоился, послышалось щебетание птиц.

Он открыл глаза и обнаружил, что стоит на горной дороге, в небе сияет тёплое солнце, а по обеим сторонам растут пышные зелёные деревья.

Он с изумлением огляделся и обнаружил, что это очень похоже на гору Лунцюань, где он когда-то жил. Напротив, растительность здесь более пышная, а горная дорога — лишь небольшая тропинка, а не искусственно отремонтированная каменная лестница, как на горе Лунцюань.

"Жун-Жун," — неподалеку раздался голос Ван Ту.

"Ту-гэ, я здесь," — Лу Жун ответил голосу.

После того, как они втроём встретились, Ван Ту начал снимать свой пуховик: "Я сниму его, здесь слишком жарко."

Дядя Чэнь поспешно остановил его: "Не снимай. После того, как мы избавимся от иллюзии, мы появимся в заснеженных горах. Если мы не запечатаем Чжу Чжао, то насмерть замёрзнем."

Увидев, что Лу Жун ошеломленно озирается по сторонам, Ван Ту объяснил: "Здесь раньше спал Чжу Чжао."

"Но... но это гора Лунцюань, где я жил," — сказал Лу Жун.

Он с детства бегал по горам, ему очень хорошо знаком рельеф этой горной местности.

Ван Ту помолчал и сказал: "Оказывается, это гора Лунцюань..."

Увидев озадаченное лицо Лу Жуна, дядя Чэнь сбоку произнёс: "Это гробница Чжу Чжао, но как ты это называешь? Хотя место и похоже на гору Лунцюань, это не то же самое пространство, понимаешь?"

Лу Жун покачал головой, показывая, что не понимает.

Ван Ту потер затылок и сказал: "Иди вперёд, поговорим на ходу."

Они втроём пошли по тропинке вверх, Ван Ту сказал: "Гора Лунцюань раньше называлась пиком Чжу Чжао и подавляла его внутри, и постепенно, спустя много лет, она превратилась в гору Лунцюань. То, что ты сейчас видишь, — это пик Чжу Чжао того времени. Похоже на гору Лунцюань, но на самом деле это просто иллюзия."

Дядя Чэнь расстегнул молнию, выпустил ветерок и проговорил: "Вообще-то, в подобных местах сохранилось много легенд. Говорят, что тысячи лет назад Чжу Чжао однажды проснулся и несколько раз дрался с двумя взрослыми потомками Бай Цзэ. Считается, что у потомков до сих пор есть свои легенды о битвах с Чжу Чжао."

Лу Жун внезапно вспомнил разрушенный храм мастера Хуна, а также фрески на стенах храма и статуи трёх богов, установленные в нём.

Когда он заговорил, дядя Чэнь сердито вытер пот со лба: "Два бога, это всего лишь Фу Чжу и Бай Цзэ, два бессмертных. После того, как Лаоцзы выйдет, отправится на гору Лунцюань, чтобы разрешить эти статуи вдребезги."

Лу Жун поспешно сказал: "Глаза каменной статуи съели куры, ничего страшного."

Ему было всё равно, освещена ли каменная статуя без глаз Чжу Чжао или нет, в любом случае, самым уродливым из них, должно быть, был он сам.

Пока он говорил, перед ним что-то двинулось, и в небо внезапно хлынул золотистый свет.

"Мастер... мастер прямо перед нами, сражается с Чжу Чжао," — внезапно произнёс Ван Ту глубоким голосом.

Сердце Лу Жуна сжалось, и он исчез со своего места, превратившись в белого оленя.

Белый олень направился по тропинке к золотому свечению, Ван Ту следовал за ним по пятам, только дядя Чэнь отбежал на два шага, а затем повернул назад, собирая разбросанную повсюду одежду Лу Жуна: брюки, обувь и носки.

Ему и так было слишком жарко, а теперь он ещё и держал в руках кипу одежды, пот стекал быстрее.

Лу Жун знал, где находится золотой свет, это небольшой водопад. Внизу небольшой пруд, который осенью и зимой высыхает и превращается в яму, а когда весной и летом выпадает много дождей, в неглубокой яме скапливается вода. Иногда там пьют воду крупный рогатый скот и овцы.

Но когда он подбежал поближе, то услышал журчащий звук льющейся воды. Широкий и бурлящий водопад, похожий на гигантский серебряный занавес, свисал с горной стены стремительным потоком, немислимо.

Что ещё более шокирует, чем сам водопад, так это то, что над водопадом парит гигантский зверь, а вдалеке, в центре озера, стоит человек.

Лу Жун сразу узнал в этой знакомой фигуре дядю Бая!

Зверь напоминал дракона и змею, его тело покрыто твердой чёрной чешуей, под брюхом острые когти, огромная голова покрыта длинной гривой с единственным рогом посередине.

В этот момент он стоял лицом вперёд и выплевывал густой чёрный туман, сгущающийся в воздухе десятками тысяч ядовитых стрел, и устремился в сторону Бай Чжи.

Прежде чем Лу Жун успел вскрикнуть, он увидел, как перед Бай Чжи поднялось золотое свечение и окутало его. Эти ядовитые стрелы, казалось, ударились о невидимую толстую стену и застыли в воздухе одна за другой, кончики стрел не переставали дрожать.

В Лу Жуна полетела ядовитая стрела, но он быстро увернулся от неё. Острые стрелы было уничтожено. Он почувствовал рыбный запах, и сильная злоба устремилась к нему.

Золотистый свет на теле Бай Чжи стал ещё ярче, устремляясь прямо в небо, а ядовитые стрелы, застывшие в воздухе, одна за другой превращались в чёрный туман, исчезая в воздухе. Но в то же время его фигура несколько раз дрогнула, и хотя он сразу же стабилизировался, это также показало, в какой сложной ситуации он оказался.

Чудовище остановило следующую атаку, обратило свои свирепые глаза в сторону Лу Жуна и медленно произнесло: "Бай Чжи, я больше не хочу с тобой связываться. Сегодня всё закончится. Я не ожидал, что потомок Фу Чжу тоже придёт, как раз вовремя, тогда вы двое сможете отправиться в путь вместе."

Затем Бай Чжи посмотрел на берег и повернулся лицом к Лу Жуну. Он посмотрел на стройного белого оленя, в его глазах отразилось облегчение, на бледном лице появилась улыбка.

"Мастер, мастер, с вами всё в порядке?" — Дядя Чэнь и Ван Ту также подбежали, тяжело дыша.

Лицо Бай Чжи изменилось, и он резко сказал: "Отойдите в сторону."

Как только голос затих, они увидели, как Чжу Чжао извергает чёрное дыхание в том месте, где они стояли вдвоём. Бай Чжи уже собирался прыгнуть в озеро, но увидел, как белый олень движется быстрее него, тот наклонил голову и выставил рога, передние копыта слегка изогнулись, задние напряглись, красные линии вспыхнули ослепительным светом.

Раздался громкий хлопок, красный свет и чёрный туман столкнулись в воздухе. В одно мгновение над всем озером пронёсся ураган, и вода в озере поднялась огромными волнами высотой в несколько футов.

Мощный воздушный поток отбросил Ван Ту и дядю Чэнь на несколько метров назад, и они упали в густую листву. Даже при взлёте в воздух дядя Чэнь продолжал крепко обнимать стопку одежды Лу Жуна. Ван Ту перевернулся и вскочил, крича Лу Жуну: "Жун-Жун, иди к дяде Бай и слейся с его силой."

Лу Жун заблокировал удар Чжу Чжао, но тут же почувствовал тяжесть на груди, кровь хлынула потоком, а в горле появился рыбный и сладковатый привкус.

Он послушался напоминания Ван Ту и прыгнул к центру озера. В то же время Бай Чжи бросился в его сторону.

На глазах у Лу Жуна они становились всё ближе и ближе, и вот-вот должны были встретиться в воздухе. Но в этот момент Чжу Чжао внезапно взревел, и с неба упала чёрная преграда, поделив мир между ними.

Раздался громкий хлопок.

Лу Жун, застигнут врасплох, ударился о барьер и упал прямо вниз.

"Жун-Жун," — он услышал встревоженные крики Ван Ту и дядя Чэнь с берега.

Лу Жун перевернулся в воздухе и увидел, как приземлился ещё один барьер, изолировавший Ван Ту и дядю Чэня на берегу.

Белый олень приземлился на воду и твердо встал на ноги. Но было уже слишком поздно, он услышал ещё один рёв Чжу Чжао, и огромная чёрная стрела упала с неба и попала прямо в него.

Слева и справа от него были непроницаемые чёрные барьеры, и Лу Жуну негде было

спрятаться. Ему пришлось сильно подпрыгнуть, и красный огонек вспыхнул, столкнувшись с чёрными стрелами в воздухе.

После звука, подобного оползнию, Лу Жун почувствовал боль, будто на него давит десять тысяч фунтов. Он услышал, как заскрипели его кости, в глазах потемнело, а из альвеол в груди, казалось, выкачали весь воздух.

Его зрение затуманилось, а глазные яблоки сильно болели из-за давления. Однако при мысли о том, что дядя Бай всё ещё пытается поддержать его у барьера, в его сердце внезапно возникло чувство одиночества, он стиснул зубы, выдерживая чудовищное давление.

Лу Жун знал, что это не сработает, поэтому ему нужно преодолеть барьер и присоединиться к дяде Баю. Он использовал все свои силы, чтобы отчаянно оттолкнуться, и в тот момент, когда почувствовал, что давление немного ослабло, воспользовался мимолетной возможностью и изо всех сил ударил рогами по барьеру рядом с собой.

Острая боль пронзила все тело, а к горлу подступила рыбная сладость. Он с трудом сохранил рассудок и рухнул вниз, когда серебряный рог вонзился в чёрную дыру.

Едва сохраняя рассудок, он вонзил свои серебряные рога в чёрный туман, висящий сверху, после чего рухнул вниз.

В этот момент Лу Жун тоже достиг предела, он больше не мог держаться, закрыл глаза и упал, сильно ударившись о водную гладь озера.

"Жун-Жун... Жун-Жун... Просыпайся, Жун-Жун..."

Пребывая в состоянии хаоса, он, казалось, слышал голос Шэнь Цзицзе.

"Гэгэ," — тихо отозвался Лу Жун в своём сердце.

Белый олень, медленно опускающийся на дно, мгновенно открыл глаза и в одно мгновение резко рванул вверх. Его тело было подхвачено потоком воды, как будто его насильно вытащили из воды, спасая от удушья, в грудную клетку хлынул свежий воздух, в уши снова — бесконечный шум и света, а грудь пронзила сильная боль, похожая на жжение.

Лу Жун закашлялся и бесчисленные пузырьки крови хлынули из его носа и горла, понемногу разбрызгивая воду.

Его затуманенное зрение постепенно прояснилось, и он увидел, что чёрный туман исчез, а дядя Бай был весь в крови. Его тело чуть ли не рассыпалось, но он, падая в воду, всё ещё пытался удержаться на ногах.

Услышав голос Лу Жуна, доносящийся из воды, он изо всех сил постарался разогнать облако чёрного тумана, несущееся к нему, и спросил хриплым голосом: "Жун-Жун, ты в порядке?"

Лу Жун хотел сказать, что с ним всё в порядке, поэтому открыл рот, но не смог вымолвить ни слова.

Когда Чжу Чжао увидел Лу Жуна, его зрачки размером с фонарь внезапно сузились, он поднял голову и взревел, собираясь наброситься на них с неба.

"Иди ко мне!" — Закричал Бай Чжи.

Лу Жун ахнул и подпрыгнул в воздухе, вспыхнув красным светом. В то же самое мгновение свет Чжу Чжао упал с неба с огромной силой.

Огромные волны накатывали на озеро, завывание ветра заглушало шум водопада. Бай Чжи перевоплотился, когда Лу Жун подбежал к нему, тут же золотой свет столкнулся с красным.

Шокированный Лу Жун тут же почувствовал, как сила возвращается в его тело, светясь красным. Поврежденная область быстро восстановилась, боль и усталость мгновенно исчезли, и каждая клеточка тела была возбуждена и расслаблена, впитывая эту властную и мощную силу.

"Теперь у тебя есть сила Фу Чжу и Бай Цзэ, у Чжу Чжао на груди и животе появились раны, ударь его там!" — Бай Чжи разразился криком.

Чжу Чжао издал гневный вопль, он показал свои когти и схватил Лу Жуна.

"Давай!"

Следуя приказу Бай Чжи, белый олень спрыгнул на землю и поднял передние копыта в воздух. Красный свет таил в себе золотистый круг, излучавший привлекательный свет, из-за которого люди не осмеливались смотреть на него прямо.

Это напоминало падение небес и земли и исчезновение Вселенной, в неистовом реве заметен был чрезвычайно сильный свет, пугающий своей яркостью.

В этот момент зрачки Бай Чжи расширились, и он на время ослеп. Он непонимающе моргнул своими кислыми глазами, но ничего не смог разглядеть. Столб воды ударил в него, сильный ветер дул, подобно лезвию ножа, окружающие горные вершины дрожали, а огромные катящиеся камни падали в самое сердце озера, издавая тяжелый приглушенный шум.

"Жун-Жун, ты как?" — Его рёв заглушился другими звуками.

Возможно, прошло много времени, а возможно, всего несколько секунд, вокруг наконец-то воцарилось спокойствие. Пламя Чжу Чжао перестало гореть, ветер завыл, волны прекратилась.

Бай Чжи сильно заморгал, и когда слезы высохли, перед его взором наконец предстала картина.

Вода в озере поднималась на высоту нескольких футов, образуя волнообразные волны. На воде озера стоял белый олень, а напротив него в воздухе висел отвратительный огонек Чжу Чжао. В отличие от огромного тела зверя, белый олень был мал, как пылинка. Они больше не двигались, просто смотрели друг на друга.

Бай Чжи затаил дыхание, его руки бессознательно задрожали, а сердце нервно сжалось в комок. Он плохо видел происходящее и не понимал, что происходит сейчас.

Белый олень внезапно пошатнулся, а затем с трудом удержал равновесие. Бай Чжи увидел это, и сердце его мгновенно упало, будто в бездну.

В этот момент Чжу Чжао вновь медленно поднял когти и нацелился на белого оленя у себя под ногами. Бай Чжи втайне оскорбил его всевозможными словами, и тут же набрался сил, пытаясь заслонить Лу Жуна от удара.

Но он поднял руку и попытался несколько раз, но не смог использовать и половины своей силы. Не говоря уже о том, чтобы загородить оленя своим слабым телом, он не смог бы победить даже ребёнка.

Видя, что пламя Чжу Чжао вот-вот упадет, лицо Бай Чжи стало несчастным. Он закрыл глаза и вздохнул про себя: "Лу Хун, прости, мы проиграли..."

Бай Чжи спокойно ждал прихода смерти, но в его ушах долгое время не было слышно других звуков. В этот момент время, казалось, тянулось бесконечно, а мир застыл.

Через некоторое время он не смог удержаться и подозрительно приоткрыл глаза.

Он увидел застывшего на месте Чжу Чжао, как скульптура, все еще сохраняя позу с поднятыми когтями. Но чешуя на его теле начала трескаться и отваливаться, как падают непрочные плитки, наклеенные на стену, и прежде чем он упал в воду, превратился в чёрный туман и рассеялся.

Чешуя быстро отвалилась, а затем превратилась в пыль.

В этот момент у Бай Чжи перехватило дыхание, в висках застучало от волнения, и он не мог поверить своим глазам.

Свет Чжу Чжао продолжал таять и исчезать, и вскоре от него остался только огромный скелет с двумя похожими на чёрные дыры глазами, смотрящими вперед.

Над ним пролетела любопытная птица, пытаясь усесться на эту огромную голову. Но как только когти опустились, скелет рухнул на землю, как рухнувшее здание.

Птица изумленно вскрикнула, захлопала крыльями и взмыла в небо.

Толстый слой чёрного тумана плавал по поверхности озера — это разбросанные кости Чжу Чжао. Прежде чем они успели коснуться поверхности озера, они рассеялись, и их без следа унес горный ветер...

Лу Жун медленно обернулся и посмотрел на Бай Чжи, улыбаясь радостной и смущенной улыбкой, затем собрал все свои силы, опустил копыта и расслабленно опустился в самое сердце озера.

"Жун-Жун," — с берега раздался два крика, дядя Чэнь и Ван Ту нырнули в озеро.

...

"Гэгэ, ты действительно отказываешься от этого сценария? Это новая работа режиссера Чэнь."

В здании кино- и телевизионной компании Сяо Чу шаг за шагом следовал за Шэнь Цзицзе и дрожащим голосом спрашивал.

Это уже четвертый фильм, от которого отказывался Ан-гэ, и Кейт начинала сердиться. Но Ан всегда говорил лишь: "В последнее время я не в лучшем душевном состоянии, так что давай ненадолго прервемся."

"Сделай перерыв, сейчас тебе не нужно сниматься, просто выбери сценарий, пока его не стащил кто-то другой."

Кейт снова злилась, глядя на всё более исхудавшее лицо и усталые глаза Шэнь Цзицзе, ей пришлось махнуть рукой и сказать: "Ан, почему бы тебе не съездить в отпуск за границу на некоторое время и не привести себя в порядок. Кто не страдал от любви? Не воспринимай это так серьезно."

И она, и Сяо Чу думали, что Шэнь Цзицзе страдает от любви.

В конце концов, парень-телохранитель, который раньше клеился к нему, внезапно исчез, а Шэнь Цзицзе становился всё более молчаливым, говорил всё меньше и меньше, все могли видеть, что с ним что-то произошло.

Шэнь Цзицзе тоже ничего не объяснил, а просто сказал, что в последнее время в плохом состоянии и не может сниматься. Если бы он действительно хотел сниматься в главной роли, он мог бы взять кино, съемки которого начнутся в следующем году.

На самом деле, он не был уверен, сможет ли сниматься в следующем году, потому что Лу Жун не возвращался уже три месяца с тех пор, как последовал за Ван Ту в тот день, о нём не было никаких новостей.

Он знал, что Лу Жун и дедушка Цай должны были каждый день созвониться, поэтому, если бы контакт внезапно прервался, дед определенно заподозрил бы неладное и забеспокоился. Поэтому он специально поехал в город Лунцюань и сказал Цаю, что Лу Жун последовал за командой в горы. Связь там весьма плохая, и это заняло бы по меньшей мере несколько месяцев.

К счастью, господин Цай ничего не знал о съемках, поэтому легко его одурачил. Он только спросил, может ли он передать письмо Лу Жуну, в котором просил его не беспокоиться о дедушке, усердно работать, в горах холодно, и быть осторожным, чтобы не замерзнуть на смерть.

Шэнь Цзицзе быстро согласился и сказал, что, когда Лу Жун вернется, они вдвоём ненадолго прервутся, а затем соберутся вместе.

Он стоял в гостиной своего нового дома, вокруг не было слышно ни звука. Страстное желание, словно невидимое озеро, зажало рот и нос Шэнь Цзицзе, ему казалось, что он задыхается. Ему пришлось открыть дверь и выйти во двор, чтобы чем-нибудь заняться и успокоиться.

Он закопал семечко в землю.

Войдя внутрь, он похлопал в ладоши, выпрямился, открыл резную железную во двор и пошел по дороге налево.

В нескольких десятках метров слева, рядом с его новым домом, находится вилла. Вьющиеся по всей стене виноградные лозы, ржавые железные прутья и следы дождя на стене дают людям понять с первого взгляда, что за этим домом давно не ухаживали.

Он подошел к железным перилам виллы, заглянул внутрь и увидел качели, утопающие в зелени редиса, представив, как Лу Жун сидел на них, будучи ребёнком. Постепенно его взгляд смягчился, и в уголках губ появилась улыбка.

Буквально в прошлом месяце он купил виллу в районе Хунфэн, рядом с той, где Лу Жун жил, когда был ребенком.

Он планировал это, и когда пришло время, дедушку Цая тоже забрали бы сюда. Они бы жили

втроём, а братья-дяди Лу Жуна жили рядом с ними, так что он мог видеть своих самых близких людей в любое время.

Он долго стоял там, пока мимо него не проехала машина к соседней вилле.

Вернувшись в эту огромную гостиную, хотя она уже была заставлена мебелью, он всё равно чувствовал себя опустошенным, независимо от того, сколько мебели заполняло пространство.

Он достал свой телефон и начал набирать знакомый номер.

"Кто меня ищет? Кто ищет моего милого маленького малыша?" — С кофейного столика доносился детский голосок.

Это был телефон, который Лу Жун забыл забрать.

"Кто меня ищет? Кто ищет моего милого маленького малыша?"

Этот рингтон повторялся снова и снова, а Шэнь Цзицзе всё также сидел на диване и слушал, опустив глаза. Поскольку его лицо исхудало, контуры стали более четкими, и свет падал на него, демонстрируя светло-темные тона. Хотя он по-прежнему красив, в нём также чувствуется резкость.

Просидев неизвестное количество времени, он встал и пошел на кухню готовить ужин. Открыв холодильник, он обнаружил, что там нет необходимых ингредиентов. Постояв некоторое время в оцепенении, он решил сходить в супермаркет.

В этом районе также есть магазин поэтому, надев только рубашку, а не пальто, небрежно переобулся, схватил бумажник, телефон и вышел.

Он стоял перед полкой супермаркета, сравнивая два вида кетчупа, и наконец бросил их в тележку. Как только он добрался до новой зоны, в его кармане завибрировал мобильный телефон.

Прикинув время, он понял, что у его родителей сейчас полночь, и позвонить ему они не могли, так что это мог быть только агент или Сяо Чу, поэтому он позволил телефону биться в кармане.

Он действительно не в настроении сниматься в этот период времени. Что касается просмотра сценария, пусть решение принимает агент.

Вибрация телефона на некоторое время прекратилась. Он положил выбранный кусок говядины в тележку, а когда собрался идти дальше, телефон вновь завибрировал.

Шэнь Цзицзе незаметно нахмурился, наконец остановился и достал из кармана мобильник.

Дисплей включился, и на нём высветилась цепочка странных цифр. Он уставился на цифру, и внезапно в его голове возникла догадка.

От этой догадки его сердце учащенно забилось, глаза покраснели, и он поднял свою мягкую руку, не осмеливаясь нажать на кнопку.

Как раз в тот момент, когда вибрация должна была вот-вот закончиться, он наконец нажал кнопку «принять», затаил дыхание и поднес телефон к уху.

На противоположной стороне воцарилась тишина, нарушаемая лишь лёгким звуком дыхания. Сомнения в сердце Шэнь Цзицзе становились всё сильнее и сильнее, он весь дрожал, почти не в силах держать телефон в руке.

"Гэгэ, где ты был? Мы с дядей Бай объединили усилия, чтобы полностью погасить Чжу Чжао. Теперь мы отправились домой и уже давно ждём тебя дома."

Казалось, прошло столетие, а голос Лу Жуна звучал в трубке всего несколько секунд. Тон был одновременно взволнованным и немного кокетливым.

Шэнь Цзицзе продолжал держать трубку в руке и застыл в изумлении, словно превратился в статую. Он не мог говорить, не мог двигаться и даже чувствовал, что не может дышать.

Только когда кто-то позади него несколько раз крикнул: "Господин, пожалуйста, пропустите" и "Господин, ваша тележка загораживает проход", он решительно отодвинул тележку в сторону и освободил проход.

"Не уходи, просто подожди меня дома," — сказал он глухим голосом в трубку.

Кассирша супермаркета стояла перед прилавком и разбирала маленькие квитанции, как вдруг перед ней быстро промелькнула какая-то фигура. Когда она подняла голову, то увидела только, что кто-то уже выбежал из магазина, высокая спина исчезла за углом.

Она была поражена на несколько секунд и немедленно сообщила охраннику: "Кто-то неожиданно убежал. Он что-то украл, не оплатив?"

Это элитный жилой комплекс. Ни кассир, ни охранник не сталкивались с подобной ситуацией, на их лицах читалась лёгкая паника. Они не знают, смотреть ли им видеозаписи или проверить товар.

Какой-то покупатель подтолкнул к ним две полные тележки, пожал плечами и сказал: "Это

тележка человека, который сбежал."

Встречаясь лицом к лицу вечерним ветром, Шэнь Цзицзе бежал обратно на виллу. Его волосы откинулись назад, а руки энергично раскачивались взад-вперёд.

Когда он вбежал в дверь виллы и, тяжело дыша, остановился во всё ещё пустой гостиной, он понял, что Лу Жун не знал, что он купил новый дом. Домом, о котором он говорил, должна была быть большая квартира.

Он повернул голову и вновь выскочил за дверь. Сделав несколько шагов, он повернулся, схватил ключи от машины, на бегу нажав на замок машины, припаркованной за дверью, и в несколько шагов вбежал в транспорт.

Сейчас час пик, на улицах полно машин. Шэнь Цзицзе строго соблюдал правила дорожного движения, поэтому автомобиль ехал ровно и уверенно. Только в ожидании красного сигнала светофора пальцы, которые постоянно постукивают по рулю, могут выдать его нетерпение.

Машина остановилась в подземном гараже, и он отсканировал свой палец и вызвал лифт. Пока он медленно поднимался в лифте и смотрел на прыгающие цифры, его вновь охватило напряжение и ощущение транса. Внезапно он испугался, что, дверь лифта откроется, и всё окажется сном.

Он взял телефон, просмотрел список принятых звонков и ещё раз перечитал последовательность цифр.

Всё верно, это не сон, это реальность.

Цзинь, лифт остановился.

Дверь лифта медленно открылась, и Шэнь Цзицзе затаил дыхание.

В оранжево-красных лучах заходящего солнца он посмотрел на ошеломлённого мальчика и тут же с улыбкой бросился к нему навстречу.

Счастье переполняло его через край.

(Конец)

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/14910/1326885>